

Старый монах, чьи годы уже давно перевалили за седьмой десяток, вновь нараспев произнес молитву, после чего принял из рук женщин гадательные палочки. Вглядываясь в начертанные на них знаки, он то одобрительно кивал, то сокрушенно вздыхал и качал головой. Глядя на это, Госпожа Сун и Младшая госпожа Сун чувствовали, как их сердца уходят в пятки от дурного предчувствия.

Наконец Госпожа Сун, собравшись с духом, осторожно спросила:

— Мастер, неужто моему внуку уготована тернистая доля в любви?

— Почтенная госпожа, не стоит предаваться панике, — голос монаха звучал мягко и сострадательно, как и подобает истинному святому. — Свыше вашему внуку предначертан союз, что скреплен самими небесами. Однако этот путь в корне отличается от того, по которому идут обычные люди. Если же попытаться силой разорвать эти нити, это принесет лишь беды, глубокое несчастье и полное одиночество до конца его дней.

Услышав это, Госпожа Сун и Младшая госпожа Сун одновременно охнули и обессиленно опустили на циновки. Старшая, впрочем, тут же спохватилась и, едва не запутавшись в полах платья, приподнялась:

— Мастер, быть может, вы ошиблись? Разве может моему Юаньцзину быть суждено прожить жизнь в одиночестве?

— Вот именно! — поспешно подхватила невестка. — Вы ведь сами сказали, что его союз предрешен небесами. С чего бы нам с матушкой пытаться его разрушить?

Великий мастер Хуэйинэн вновь вознес краткую молитву и торжественно произнес:

— Я дарую вам восемь слов, добрые люди, и молю вас — примите их с открытым сердцем. Мужской облик — женская доля; всю жизнь без наследников. Если не пытаться силой изменить это предначертание, этот благородный юноша будет обладать великим богатством и почетом, а имя его останется в веках и будет почитаться потомками.

Закончив, старец еще раз поклонился и покинул зал, оставив свекрови и невестке возможность наедине осознать услышанное.

А Лань первой пришла в себя и поспешила поддержать свекровь под руку:

— Матушка, что же это значит? «Мужской облик — женская доля»? И почему он сказал, что у Юаньцзина никогда не будет детей?

Госпожа Сун легонько похлопала невестку по руке:

— Ты разве не слышала главное? Мастер предсказал, что наш мальчик будет окружен богатством и почетом, а имя его прославят в веках. Разве может быть судьба лучше этой?

— Но всё же... — Младшая госпожа Сун всё никак не могла отделаться от странного чувства.

Старушка, чьи мысли прояснялись с каждой секундой, рассудила твердо:

— Мастер хотел сказать одно: нужно позволить всему идти своим чередом. Тогда Юаньцзина ждет великое будущее. А если мы станем чинить препятствия его судьбе, он будет несчастен и умрет в одиночестве.

— И как же нам теперь быть? — А Лань всё еще чувствовала себя как в тумане.

Госпожа Сун вполголоса повторяла эти восемь слов: «Мужской облик — женская доля; всю жизнь без наследников». Особенно её зацепило сравнение с женской долей. И вдруг, словно вспышка молнии в ночном небе, догадка пронзила её разум.

«Мужской облик — женская доля... Неужто это значит, что судьба моего внука связана с другим мужчиной?»

Сердце бабушки сжалось от боли.

«Бедный мой мальчик, за что же ему такая тяжкая доля?»

Вспомнив редкую красоту Юаньцзина, она невольно вздохнула:

«Может, именно из-за его облика небеса и уготовили ему такой путь?»

— Помоги мне дойти до роши за храмом, — велела она невестке. — Нам нужно всё как следует обдумать.

— Слушаюсь, матушка, — кротко отозвалась А Лань. У неё обычно было не так много собственных идей, поэтому она во всем полагалась на опыт свекрови.

Едва женщины покинули зал, из-за ширмы вышли двое. Одним был Великий мастер Хуэйцзин, только что толковавший жребий, а вторым — князь-регент Му Чэнъянь, который тоже тайно прибыл в храм Белой Лошади.

Мастер сложил ладони в жесте приветствия:

— Что же, теперь князь может быть спокоен — его желание исполнится.

Му Чэнъань бросил на него короткий взгляд:

— Я бы и так добился своего, мастер. Но я не хотел, чтобы Юаньцзин разрывался между долгом и чувствами. Уверен, после вашего пророчества его родные сделают правильный выбор.

— Тогда позвольте поздравить ваше высочество. Ваш выбор оказался... неожиданным для меня. Я полагал, что достигнув таких высот, вы пожелаете...

Хуэйинэн замолчал, подбирая слова. Он был искусен в медицине и когда-то осматривал князя. Тогда его недуги казались неизлечимыми, но теперь, увидев Му Чэнъаня снова, он поразился: жизненные силы регента были в полном порядке.

— Ваше тело полностью исцелено. При желании вы вполне могли бы обзавестись наследником.

Му Чэнъань коротко усмехнулся:

— Весь этот мир был бы лишен смысла, если бы в нем не было Юаньцзина. Возможно, я пришел в эту жизнь лишь для того, чтобы пройти этот путь рука об руку с ним. Пусть сказанное вами сегодня останется между нами.

Князь имел в виду состояние своего здоровья.

— Я не из тех, кто болтает лишнее, — отозвался монах. — Однако мне всё же любопытно: кто же тот мастер, что сумел вернуть вам здоровье?

Му Чэнъань улыбнулся, и в его глазах промелькнула теплота:

— Тот самый, чью судьбу вы только что предсказали.

Даже мастер Хуэйинэн, которого редко можно было чем-то удивить, на мгновение лишился дара речи. Он ожидал услышать имя какого-нибудь прославленного старца, а вовсе не юного Таньхуа. Видя, как смягчилось лицо регента при упоминании юноши, старый монах понял: чувства князя глубоки и незыблемы.

Му Чэнъань мгновенно вернул себе обычную суровость:

— Мне пора. Прощайте, мастер.

Когда князь-регент ушел, у Хуэйэнэна осталось странное чувство, будто его использовали как удобный инструмент и тут же забыли. Он и впрямь обладал даром предвидения и помнил, что раньше над Му Чэнъянем нависала тень ранней и жестокой смерти. Изменить такую судьбу мог лишь предназначенный свыше «человек-хранитель». Но где искать его, монах не знал. Теперь же он ясно видел: судьба князя изменилась до неузнаваемости.

Более того, в облике Му Чэнъяня теперь угадывалось величие истинного властелина мира. С его нынешней мощью сменить династию было бы делом нескольких дней. Но, как и сказал сам князь, его нити жизни теперь намертво сплелись с нитями другого человека. Разорвать их значило бы погубить обоих.

«Глядя на князя прежде, я никогда бы не подумал, что он способен на такую преданность. Воистину, пути небесные неисповедимы».

Юаньцзин даже не догадывался, что Му Чэнъянь тайно посетил храм. Как они и договорились, семья осталась в обители на ночь, отведав скромной постной еды.

Юноша не знал всех подробностей разговора, но когда он и Юаньцзэ встретились с родными, он заметил, какими странными взглядами бабушка и мать провожают его. Они явно старались скрыть свои чувства, но их смещение было слишком заметным.

Сердце Юаньцзина наполнилось сочувствием к старшим. Он решил, что отныне будет заботиться о них еще усерднее, чтобы они никогда не пожалели о своем выборе.

Вечером Тао Даюн, навестив мать, вернулся в их с женой комнату и спросил А Лань:

— Да что с вами сегодня происходит? С тобой и с мамой?

Даже он, человек не самый проницательный, заметил неладное.

— Вы ведь днем ходили толковать жребий. Неужто выпало что-то дурное? Не бери в голову, это же просто слова, не стоит принимать их близко к сердцу.

— Да что ты понимаешь! — А Лань в сердцах стукнула мужа кулаком в грудь. — Это ведь сам Великий мастер Хуэйэнэн толковал! В святом месте такие речи вести — грех великий.

— Вы видели самого Хуэйэнэна?! — Даюн аж просиял. — Я слышал, сегодня он принял лишь горстку людей. Значит, это добрый знак! Ну, что он сказал? Наш Юаньцзин ведь молодец, он с детства отмечен удачей.

Младшая госпожа Сун вздохнула:

— Верно, молодец. Мастер так и сказал: Юаньцзина ждут великое богатство и слава, а имя его впишут в учебники истории. Разве можно сказать, что это дурная судьба?

— Так о чем вы тогда горюете? — Даюн окончательно развеселился.

— Ох, ничего-то ты не смыслишь... — невестка снова наградила мужа тумаком. — А если Юаньцзин на склоне лет приведет в наш дом не невестку, а... мужа? Что ты тогда скажешь?

Отец Тао опешил.

— Что? Зятя? Ты шутишь, что ли? Мой сын приведет в дом мужчину?!

— Тьфу на тебя! Я тебе о серьезных вещах говорю.

А Лань решила больше ничего не скрывать и пересказала слова мастера Хуэйнэна.

— Мастер сказал: «Мужской облик — женская доля; всю жизнь без наследников». Как ты думаешь, что это значит? Коли доля женская — значит, суждено ему замуж выйти. А коли сойдутся два мужа, откуда ж детям взяться?

Жена изложила всё именно так, как они со свекровью рассудили за этот долгий день. И самое страшное, что они не могли этому помешать: монах ясно дал понять, что если разбить этот союз, то Юаньцзин не только лишится своего блестящего будущего, но и проведет остаток жизни в горе и одиночестве. От одной мысли об этом у обеих женщин разрывалось сердце.

Они решили, что позволить сыну быть счастливым, пусть и таким странным образом, важнее продолжения рода.

«Пусть будет муж, — рассудили они. — Главное, чтобы рядом с Юаньцзином был кто-то надежный, кто поддержит его в старости. А если захочется понынчить внуков, так ведь Юаньцзэ подрастет, женится и нарожает детей. Одного отдадим Юаньцзину на воспитание, вот и будет кому стакан воды подать».

Даюн окончательно впал в ступор. А Лань, глядя на его ошарашенное лицо, даже почувствовала некоторое облегчение. Оставив мужа переваривать новости, она забралась в постель и вскоре уснула.

Когда Даюн наконец пришел в себя, он обнаружил, что супруга уже вовсю сопит. Он бесцеремонно растолкал её:

— Погоди, так что, и впрямь будет муж? И вы с мамой согласны?!

— Ох, Даюн, ну какой же ты неугомонный! Время-то видел? Спи уже, завтра всё обсудим, — буркнула она и снова отвернулась к стене.

На следующее утро и Юаньцзин, и маленький Юаньцзэ заметили, что у отца под глазами залегли глубокие тени. Госпожа Сун выглядела бодрее, а Младшая госпожа Сун и вовсе казалась удивительно спокойной. Старший сын догадывался, что всё дело в его «судьбе», а вот Юаньцзэ терялся в догадках:

— Папа, ты чего такой хмурый? Чем ты ночью занимался?

Даюн лишь сердито отмахнулся от младшего. Он посмотрел на старшего сына, и в его взгляде смешалось столько чувств, что он не знал, как их скрыть. Юаньцзин предпочел прикинуться непонимающим и коснулся своего лица:

— Пап, что такое? Я плохо умылся?

Бабушка тут же вступилась за любимого внука, отвесив сыну подзатыльник:

— Даюн, ты чего на ребенка уставился? Ешь давай, нам пора в город возвращаться. Не пугай мне мальчика.

Мужчине осталось лишь покорно вздохнуть:

— Ничего, просто задумался о делах. Давайте завтракать.

Весь путь вниз Юаньцзэ косился на отца с подозрением, а Даюн мучился от того, что его распирает от новостей, которыми он не может поделиться.

Когда они спускались к подножию горы, Юаньцзин и Юаньцзэ шли впереди, держась за руки. Бабушка и мама, глядя им в спину, синхронно вздохнули и в один голос сказали Даюну:

— Даже не вздумай во всё это вмешиваться. Наш Юаньцзин должен прожить свою жизнь счастливо. Коли не будет детей — не беда, Юаньцзэ нарожает и за себя, и за брата.

Госпожа Сун окончательно примирилась с судьбой. Счастье внука было для неё важнее любых условностей. Она не могла допустить, чтобы он закончил свои дни в одиночестве. Единственное, что её теперь заботило — что же за мужчина станет спутником её Юаньцзина.

Она решила, что должна будет во все глаза приглядываться к каждому встречному, чтобы не упустить того самого.

Даюн всё еще немного ворчал про себя. Сын ведь — такой молодец, вся столица за ним бегаёт! Как же так вышло, что небеса уготовили ему эту «женскую долю»? Но против воли матери и жены он пойти не смел — уж слишком решительно они были настроены. Да и сына он любил не меньше.

Вернувшись домой, Даюн еще несколько дней ходил сам не свой, а потом и вовсе уехал в загородное поместье, чтобы в одиночестве переварить случившееся. Через некоторое время он вернулся в семью спокойным. К тому времени Госпожа Сун уже всюю распространяла слухи, ссылаясь на Хуэйна, что её старшему внуку судьбой запрещено жениться слишком рано.

Многие знатные семьи, мечтавшие породниться с Тао, были разочарованы. Юаньцин был идеальным кандидатом, и новость о том, что он не может жениться сейчас, расстроила многих. Однако никто не посмел усомниться в словах Великого мастера — его авторитет был непререкаем.

В доме наконец воцарился покой. Бабушка и мама вздохнули с облегчением. Они были простыми деревенскими женщинами и не умели вести светские беседы со столичными дамами. Юаньцин пригласил в дом опытных нянь-наставниц, вышедших в отставку из императорского дворца, чтобы те помогли его родным освоиться с этикетом.

Когда суэта утихла, Госпожа Сун и А Лань позвали Юаньцина к себе.

Младшая госпожа Сун долго переминалась с ноги на ногу, не зная, как начать этот неловкий разговор. Не могла же она просто сказать: «Сынок, если приведешь в дом мужчину — мама не будет против»?

Язык не поворачивался! В конце концов она беспомощно посмотрела на свекровь.

Старушка окинула невестку красноречивым взглядом: «Эх ты, бестолковая, с таким пустяком не справилась! Придется мне, старухе, отдуваться».

Юаньцин, видя их переглядывания, решил взять инициативу в свои руки:

— Бабушка, мама, вы хотели поговорить со мной о предсказании мастера Хуэйна? Что именно он вам сказал?

Он до сих пор не знал, какими словами монах сумел убедить его родных, но видел, что они уже смирились.

Госпожа Сун взяла внука за руку, и её глаза наполнились слезами. Она легонько поглаживала

его ладонь:

— Бабушка не станет от тебя ничего скрывать, Юаньцзин. Мастер Хуэйнан дал нам восемь слов: «Мужской облик — женская доля; всю жизнь без наследников». Не бойся, Цзин-бао. Как только твой младший брат женится, мы велим ему родить побольше деток. Выберешь себе любого, кто по сердцу придется, и воспитаешь как родного сына. Мы с твоей матерью тебе это обещаем.

Юноша был тронут и в то же время едва сдерживал смех. Ему было жаль бедного Юаньцзэ, которому уже заочно распланировали жизнь, но сами слова пророчества вызвали у него искреннее возмущение.

«Мужской облик — женская доля? Неужели это Му Чэнъань велел Хуэйнану такое сказать? Мог бы и поизящнее что-нибудь придумать!»

— Бабушка, мама, простите, что заставил вас так волноваться. Но пока вы со мной, мне ничего не страшно.

— И то верно! Бабушка тебя в обиду не даст, и родители тоже. А коли кто посмеет слово дурное сказать — мы с тобой уедем и будем вдвоем жить.

А Лань лишь горько усмехнулась. В трудную минуту Юаньцзин всегда оставался для них на первом месте.

— Цзин-бао, — тихо добавила мать, — кого бы ты ни полюбил в будущем, просто приведи его к нам. Мы на всё согласны, лишь бы ты был счастлив. Не слушай, что болтают другие — это только наша жизнь. В крайнем случае — всегда можем вернуться в родную деревню.

Юаньцзин крепко сжал их руки:

— Бабушка, мама, обещаю — ваш Цзин-бао никогда не даст себя в обиду.

— Вот и славно. Мой внук всегда был отмечен удачей, так будет и впредь.

Старший внук был главной гордостью в жизни старушки. На фоне историй о непутевых детях знатных родов их Юаньцзин казался сущим сокровищем. Всё, чего добилась их семья, было его заслугой.

Когда родные легли спать, Юаньцзин не пошел в кабинет. Вместо этого он вышел в сад. Ему невероятно везло на любящих родных в каждой жизни. Неудивительно, что после гибели

изначального владельца тела его дух был полон такой ярости — видеть крах своей семьи было невыносимо. Он поклялся, что сделает всё, чтобы они могли им гордиться.

Однако мысли о «женской доле» всё никак не давали ему покоя.

«Ну и ну, Му Чэньань... Неужели он так боялся, что я передумаю, что решил отрезать мне все пути к отступлению?»

При мысли о Князе-регенте Юаньцзин невольно заскрежетал зубами.

«Женская доля? Сам ты — женская доля!»

С каждой минутой его негодование росло. И вот в эту ночь Юаньцзин совершил поступок, который заставил бы У И и всех скрытых стражей резиденции Князя Чжэньбэй лишиться дара речи. Он перемахнул через стену своего сада и отправился штурмовать стену резиденции Му Чэньаня.

У И, наблюдавший за этим, застыл как вкопанный. Его лицо выражало крайнее изумление. Кто бы мог подумать, что блистательный Таньхуа посреди ночи полезет через забор в дом Князя-регента? Расскажи кому — не поверили бы.

Когда Юаньцзин взобрался на стену, из теней тут же высунулось несколько голов. Лишь увидев условный знак У И, стражи не бросились в атаку.

Юноша, сидя верхом на стене, прекрасно видел эти тени. Он ничуть не испугался и лишь небрежно махнул им рукой:

— Где сейчас князь? Я сам его найду.

Ошарашенные стражи беззвучно указали направление. Юаньцзин легко спрыгнул вниз и еще раз помахал им:

— Спасибо!

Стражи в полнейшем оцепенении провожали его взглядами. У И попытался было последовать за ним, но его тут же перехватили товарищи:

— Стоять! Ты чего это тут устроил?

Тот лишь развел руками:

— Сами ведь видели. Молодой господин Тао пришел с ночным визитом.

— Да это мы поняли! Мы спрашиваем — почему он через стену лезет, а не через ворота, как нормальный человек?!

— Ну... — У И на мгновение задумался. — Наверное, это такая любовная игра между князем и молодым господином Тао.

Покои Му Чэнъяня охранялись с особой тщательностью. Но весть о «госте» уже разлетелась среди тайных стражей, и Юаньцзин прошел до самого кабинета беспрепятственно. Даже патрули были вовремя отозваны. В резиденции Князя Чжэньбэй такой прием оказывали впервые.

— Кто здесь? — раздался резкий голос из-за двери.

<http://bllate.org/book/15835/1504449>